

В ПАЛАТЕ НОМЕР ШЕСТЬ

Даже в страшном сне Вадим не мог представить, что подхватит эту заразу - коронави - русную инфекцию. Берётся, как ему казалось, основательно. Общественный транспорт побоку, на работу и с работы пешком, маска, перчатки - всё как положено. На работе антисептики, график облегчённый (как-никак шестьдесят плюс!), контакты с людьми минимальные и под контролем. И на тебе...

Как-то, разглядывая плакат с картинками про «корону», Вадим обратил внимание, что вирус, изображённый на них эдаким мини-спрутом, помещён в кружок и перечёркнут плашкой. Похоже на запрещающий дорожный знак. Что-то вроде «ковид не пройдёт!».

А он «проходит». Легко и непринуждённо. Цепляется в организме липучими присосками там, где ему заблагорассудится. В основном, видимо, рядом с органами дыхания.

Недомогание Вадим почувствовал в пятницу вечером. Поднялась температура, появилась слабость. Жена-медик насторожилась. Подключила свои связи и начала консультироваться со специалистами. Картина складывалась неважная, но для её полноты требовались результаты теста на ковид.

Через два дня Ирина, зайдя в комнату, где Вадим лежал на диване с книгой, сказала только одно слово:

- Поздравляю.

Он шутя перекрестился:

- Слава богу!

Ирина спустила супруга с небес на грешную землю:

- Наши тесты на ковид положительные.

- Вот те раз!..

Лечебная карусель закрутилась ещё быстрее. В квартире появились три баула с лекарствами. Ирина с усиленной энергией включилась в борьбу с болезнью. К счастью (если так вообще можно говорить в этой ситуации), её самочувствие было лучше, чем у мужа.

Вызванная на дом участковый терапевт (Вадим называл её коллег «порошочниками») ничего по сути не прояснила. После просьбы сделать КТ (компьютерную томографию) лёгких последовало приглашение в поликлинику, где, выстояв в очередях, надо собрать медсправки, заверить их у больничного начальства - и только тогда получить направление на КТ. (И это с тридцативосьмиградусной температурой!) Услышав про положительный тест, участковая «порошочница» быстренько завершила свой визит и была такова. Больше Вадим её не видел.

Борьба с температурой и недомоганием шла с переменным успехом, но кардинального улучшения не наступало. К концу недели Ирина настояла на том, чтобы сделать КТ платно (жизнь дороже!), и повезла мужа на такси в частную лабораторию. Педантичный немецкий «сименс» показал сорокапроцентное поражение лёгких. Стало ясно, что госпитализации Вадиму не избежать.

...Тёмной декабрьской ночью его закружили бесы - мучали, не давая уснуть и мороча голову. Они были везде, а спасения от них не было нигде.

Утром Вадим позвонил хорошему знакомому, который имел авторитет в региональных властных структурах, и уже через час приехала «скорая», в квартиру поднялись двое молодых фельдшеров. У них было всё необходимое для проведения первичного исследования. Кровь, давление, кардиограмма. Справки распечатывались моментально. На левую руку Вадима был поставлен катетер - для будущих капельниц. Потом медики помогли ему собраться и выйти к автомобилю.

Сев в «скорую», Вадим словно отключился от действительности. Куда-то везут, ну и пусть. Лишь бы поскорее где-нибудь притулиться. Когда добрались до приёмного отделения больницы, его автопилот начал отказывать. На дежурные вопросы Вадим отвечал невпопад и не смог заполнить больничные документы - это пришлось сделать кому-то из персонала, а Вадим только кое-как расписался там, куда ему указали.

Поднялись на четвёртый этаж. Вадима усадили на кожаный диван около сестринского поста. Рядом присела доктор (как потом выяснилось - его лечащий врач Оксана Викторовна Махова). Она о чём-то тихонько спрашивала, профессионально комментировала, успокаивала. В общем,

внушала доверие и надежду.

Но вот наконец его подвели к свежезастеленной койке. Позвонила Ирина - спросила, как добрался, в какую палату определили. Вадим шагнул в коридор. Снаружи на двери была прикреплена металлическая цифра «шесть». «Как у Чехова, - мелькнуло в голове, - только там в палате был один пациент, а здесь аншлаг». Вадим вернулся в палату и буквально свалился на кровать - благо она стояла прямо у входа.

В этой довольно большой комнате было четыре кровати, и все оказались заняты. Рядом с Вадимом и в дальнем углу лежали местные «старожилы» - мужчины под шестьдесят, а может, и постарше. Кислородных масок на них не было. Оба «зависали» в смартфонах. Причём у одного, соседа Вадима, там всё время что-то взрывалось и горело - видимо, хозяин был любителем компьютерных игр. В ближнем углу лицом в подушку лежал старик. Он не двигался, только часто и тяжело дышал, это было видно по вздрагивающим лопаткам. Неожиданно пришли люди в герметичных, как у космонавтов, костюмах и увезли старика. Как оказалось, в реанимацию.

Освободившееся место тут же занял новенький, мужчина лет пятидесяти, в жёлтой футболке. Он оказался знакомым одного из «старожилых». «Желтая футболка» был диабетиком, ему постоянно кололи инсулин и через день брали кровь на анализ, делая надрез на подушечке пальца. Эту крайне неприятную процедуру не раз проходил и Вадим. Кроме того, он глотал столько сильнодействующих таблеток, что слизистая во рту воспалилась. После многочисленных инъекций живот покрылся сине-коричневыми пятнами. Первая больничная ночь далась ему нелегко - температура подскочила почти до сорока градусов. Сбить её удалось только серией капельниц.

«Старожилы» тем временем готовились к выписке. Это было видно по их какой-то радостно-суетливой активности. У соседа Вадима в последний момент что-то не сложилось, и ему пришлось ещё ночь провести на больничной койке. Зато наутро он покинул палату с таким сияющим видом! Второй пациент, друг «жёлтой футболки», выписался не один - одновременно с ним лечение в «ковиднике» проходила жена.

Их койки пустовали ровно столько времени, сколько потребовалось на замену белья. В дальнем углу разместился парень лет тридцати с наколотой красной розой на левом предплечье. А соседом Вадима стал старичок.

Это был пациент-беда. Медсёстры привезли его на каталке и свалили на кровать. Ноги и руки старика были парализованы. Сухонький, беззубый, он был абсолютно беспомощным и, казалось, безразличным ко всему. Иногда, глядя на Вадима, дед словно пытался что-то вспомнить, взгляд его становился чуточку острее, но вскоре снова застывал.

Кислородная маска то и дело сползала с его лица, и медсёстрам приходилось ее поправлять. Всё в общении с ним было проблемным, особенно кормёжка. Дед ничего не ел. Медсёстры пробовали кормить его с ложки, но получалось не очень. Предлагали попить из стакана через пластмассовую трубочку. Безуспешно. Временами дед с шумным придыханием пробовал освободиться от чего-то накопившегося внутри, но у него ничего не выходило.

* * *

Насыщение организма кислородом - важная часть лечения. Но Вадим поначалу отнёсся к этому легкомысленно. За что и поплатился.

Уровень кислорода в крови измеряется пульсоксиметром - своеобразной «прищепкой», надеваемой на палец больного. Во время очередного измерения прибор выдал катастрофически низкий показатель: восемьдесят девять процентов. Медбрат с возмущением глянул на Вадима через своё пластиковое забрало:

- Вы что творите?! Что я Оксане Викторовне скажу?!
- И натянул на лицо Вадима кислородную маску. Тот огрызнулся:
- И ночью не снимать?!
- И ночью!..

На следующий день Вадим ждал медбрата с волнением: что в этот раз покажет его «прищепка»? Но опасения развеялись, как только прибор высветил «95,5». Это был хороший показатель, даже чуть выше среднего. Остался доволен и медик:

- Совсем другое дело, - сказал он. И добавил: - Маской вам надо пользоваться постоянно.

Парень с татуировкой на второй день пребывания в больнице стал кашлять, а на третий день никакого кашля у него уже не было. Вот что значит молодость! Да и оптимизм - великое дело. Парень оказался весельчаком. Однажды, возвращаясь в палату после процедур, с порога продекламировал:

Гоп, сербербубия, Яблочко с повидлою. А зачем мы здесь лежим? Боремся с «ковидлою»!

Но никто не откликнулся на его шутку. Не до смеха. Да, к тому же, все в кислородных масках. «Жёлтая футболка», сняв маску, в очередной раз прошёл к холодильнику. Он интенсивно насыщался витаминами. Больничная еда в основном постная: как говорится, с голоду не помрёшь, но и песню не споёшь. Но ведь сюда приходят не жир нагуливать, а хворобу побеждать. А что касается деликатесов - так передачи из дома не возбраняются. Волонтёр (его так и зовут - «лифтовой») каждый день поднимает и развозит на большой тележке присланные больным продукты.

Зазвонил мобильник. Вадим как раз проходил кислородотерапию. Сняв зелёную пластмассу с лица, взял аппарат и посмотрел на номер: Ирина.

- Да.
- Я тоже здесь.
- Где?
- В больнице.

Ах, мать честная! И ты, Ирина Сергеевна, не уберёглась! Да и как уберёжешься, постоянно контактируя с тяжелобольным?

Ирину госпитализировали на тот же четвёртый этаж, только в другое крыло. Вадим, надев маску, пошёл разыскивать её вторую палату.

Супруга и здесь взяла бразды правления в свои руки. Она встретилась с врачом Вадима, выяснила все нюансы состояния мужа, держала связь с дочерью и зятем на предмет доставки дополнительных лекарств и продуктов. Ну и, конечно, не забывала о собственном лечении.

А Вадиму уже порекомендовали приступать к физической активности. Он и сам чувствовал: чтобы лёгкие не застаивались, нужно движение. Делал простейшие упражнения, а потом наметил себе маршрут по коридору и начал прогуливаться: пятьдесят шагов вперёд, пятьдесят назад. И так несколько раз в день. Голова перестала кружиться, вроде бы и слабость отступала. Хотя, вышагивая свои коридорные метры, лёгкости в теле, особенно в ногах, он не ощущал. Ну да ничего, придёт со временем.

Около соседа-дедка собрались медсёстры. Одна из них спросила Вадима:

- Ему памперс сегодня меняли?

Тот развёл руками: находясь на усиленной «подзарядке» кислородом, на другое не обращал внимания. Подошла Оксана Викторовна и о чём-то долго говорила с медсёстрами. Вадим несколько раз услышал слово «реанимация».

Вечером деда увезли из палаты.

«Красная роза» с не оценённым в прошлый раз поэтическим даром решил ещё раз обратить на себя внимание однопалатников. Утром, когда медсестра пришла для забора крови, парень, поглядывая в смартфон, прочитал с выражением:

Я съел сейчас бы круассана, Но непреклонна медсестра: Ей наша докторша Оксана
Велела кровь пустить с утра.

Вадим не видел реакцию медсестры, но, судя по тишине в палате, собратья по несчастью снова остались глухи к поэтическим экзерсисам.

Не то время и не то место для веселья. Да и разница в возрасте даёт себя знать.

* * *

Четыре года назад, готовясь к аортокоронарному шунтированию, Вадим проходил курс лечения в здешнем кардиологическом отделении. Но тогда всё было по-другому. Врачи и медсёстры в лёгких халатах, методика лечения отработана... Пандемия нарушила привычный уклад жизни и, кажется, проникла во все её сферы. Зато, в противовес этой напасти, теплее и сердечнее стали отношения между людьми - ближними и дальними, прочнее сделались родственные и дружеские связи.

А врачи, сёстры, да весь медперсонал! Закованные в герметичную «броню», они тем не менее не были роботами, киборгами, а оставались добродушными и милосердными людьми, откликавшимися буквально на каждый чих больного. Говорят, для того, чтобы стать успешным, надо много работать, а для того, чтобы быть счастливым - делать добро. Медики ежедневно, ежечасно, ежеминутно делали добро, которое затем превращалось в счастье выздоровления многих и многих людей.

Под окнами палаты Вадима и дальше, вдоль корпуса, разрослась целая сосновая роща. Молодые сосенки вымахали на такую высоту, что переросли четвёртый этаж. Они стояли, чуть присыпанные снежком, в тихом безветрии. Все эти дни и недели Вадим любовался ими, высматривая птиц, иногда порхающих среди ветвей. И всё ждал, когда подует ветер, начнут раскачиваться сосновые лапы и с них посыплется снег. Но деревья стояли неподвижно, будто нарисованные на картине. И ни дуновения - только сонное царство вокруг.

Накануне Рождества, в Сочельник, пошёл тихий, лёгкий снежок. На деревья и землю с неба сыпалась едва заметная белая крупа. И казалось, что сама природа по каким-то своим законам, под белым снежным покрывалом старается уберечься от этой коронавирусной скверны.

.. Вспомнилось пронзительное по своей сути окончание стихотворения Ярослава Смелякова «Если я заболею».

От морей и от гор веет свежестью, веет простором.

Как увидишь, почувствуешь: вечно, ребята, живём.

Не больничным от вас ухожу я,

друзья, коридором -

Ухожу я, товарищи, сказочным, Млечным Путём.

«Нет, - размышлял Вадим, - рано нам с Ириной смотреть на землю с высоты Млечного Пути. Мы уходим больничным коридором. Но - домой! Нам надо потопать ещё по этой земле. Она для нас одна - и святая, и грешная. Другой не дано. А значит, надо жить. Здесь и сейчас!»

* * *

...Медсестра и медбрат-волонтёр вызвались проводить Вадима с Ириной к выходу из здания. Вадим возразил:

- Не надо, мы сами.

Но медсестра деликатно, но твёрдо настояла:

- Мы всё-таки проводим.

Спустившись на лифте и пройдя по длинному коридору, они вышли в пустой холл приёмного отделения, и вот наконец оставили позади больничные стены.

Колкий январский морозец бодрил и приятно освежал лицо. «Вот бы сейчас измерить кислород, - подумал Вадим. - Наверняка две девятки».

Медсестра указала рукой за угол:

- Там дорога, впереди увидите будку со шлагбаумом. Вам туда. - И, пожелав здоровья, напутствовала: - Счастливо.

- Спасибо, - поблагодарили медиков недавние пациенты.

Когда подходили к будке, охранник поднял перед ними шлагбаум. Вадим с Ириной миновали пост и направились к площадке, заставленной легковушками. Где-то там их ждали зять с дочерью. Сзади раздался глухой стук, и Вадим оглянулся. Шлагбаум, чуть вздрогнув, опустился на своё место.

В этом был какой-то знак. Длинная белая жердь с красными полосами, закрыв дорогу, как бы обозначала, что Вадиму с Ириной вход в ко-видные больничные коридоры запрещён.

И это прекрасно!